

Когда стихи Валерия Дударева пребывают еще в рукописи, старшие поэты – Вознесенский, Ахмадулина и Новелла Матвеева – сойдясь, как сказочные феи у колыбели новорожденного, отметили, не сговариваясь, их простодушную, почти детскую искренность. На фоне «выпендренных закидонов» неоноваторов XXI века она не только казалась, но и была поэтической ересью. Словом, старшие младшего вниманием не обошли, да и особые приметы творческой его «походки» зорко заметили. Новелла Матвеева – «емкую образность», Ахмадулина – «узнаваемость интонации». Вознесенский среагировал на тембр природного голоса, может, и не оперного диапазона, зато свежего. Правда, как ответственный за издание (сборник Дударева «Интонации» (2010), вышел в «Худлите» с его Предисловием), Андрей Андреевич еще и направление дальнейшего пути указал. Осторожно. Не настаивая. Не перстом указующим. «Как старший товарищ неглупый и чуткий». В жанре напутствия. Хочется, дескать, пожелать талантливому поэту и ярких переживаний, и «масштабных размышлений о смыслах». Но я-то не об угодившем в резонанс издании. Я о «Ветле», а в связи с ней и об издательстве, а это, к счастью, снова «Художественная литература». Ныне, однако, и здесь, как везде. «Вопрос» о составе новой книги развернули в сторону прагматически современную. С прицелом на сборник, целиком состоящий из свежих текстов, какие, как известно, «продаются быстрее». Автор на коммерческий поворот-уклон-разворот, похоже, не согласился. Предпочел второе издание «Ветлы»,* дополненное «Другими стихами». (Кавычки на сей

*Дударев В.Ф. Ветла и другие стихотворения. – М.: Художественная литература, 2016. – 196 с.

раз обязательные, поскольку *другие стихи* в данном контексте не только вторая половина книги, но и буквально *стихи про другое*.) В первый момент непривычный выбор композиционного решения слегка озадачил. Дударев печатается редко, в своей «Юности» в амплуа стихотворца не появляется, а то, что публиковалось то в «Неве», то в «Паровозе», было столь неожиданным, что и впрямь хотелось поскорее увидеть не избранные, а написанные именно в последние годы стихи. Я имею в виду прежде всего стихотворение «Поэты», поразившее и, судя в по всему, не только меня, «лирической дерзостью:

Мы, поэты последнего ряда,
Допиваем прокисший абсент.
Мы – ваш Дант в дебрях рая и ада,
Вашей жизни последний момент.
Серебра нам с тобой не досталось,
Да и золото тут не в чести –
Но надеемся, самую малость,
И колосья сжимаем в горсти.

Соберём семена и коренья,
И, путём продвигаясь зерна,
Мы роняем стихотворенья,
Словно шишки сосна.
Нам и ворон – благая примета,
И княжна – придорожная блядь.
За сто первый лесной километр
Нас положено отселять.
Мы – польнь!

Мы – Путивль!

Мы – Непрядва!

Мы– надгробий чужие цветы –
Самозванцы последнего ряда,
Прощельги последней черты. (2013 г.)

Прочтя процитированный текст сначала в «Паровозе», но затем и в «ЛГ», каюсь, слегка удивилась. Да быть не может,

чтобы в столь специфическом СМИ не заметили откровенной, с точки зрения «ЛГ»-команды, крамолы! Чтобы в объеме нескольких четверостиший поэт втихаря аукнул не только с Блоком и Есениным, но и с Ходасевичем с его «Путем зерна» и Вознесенским времен и «Гойи» и «Треугольной груши» (1967)? («Вы Америка?» – спрошу, как идиот./Она сядет, сигаретку разомнет. /«Мальчик, – скажет, – ах, какой у вас акцент! /Закажите мне мартини и абсент». Это же откровенно живые цветы на чужих надгробиях? Наверняка заметили, но...

Впрочем, это я так, апропо. Идущее «на ущерб» противостояние «правой» и «левой» группировок литературного фронта к новой книге Валерия Дударева прямого касательства не имеет. Вот к ней и вернемся.

Итак, вместо ожидаемого ordinarily-го Избранного автор предложил в жанре «размышлений о смыслах» поэтический автопортрет. Своего рода *Взгляд поэта* с наблюдательной вышки середины дороги жизни на самого себя. Причем не анфас, в позе, искусно выбранной, а словно бы и посредине нигде, вроде как с откидного стула в последнем ряду, и в то же время словно бы **Над**, то есть с какого-то не одним личным опытом нажитого Высока. Отсель, думаю, и заключающая «Ветлу-2» перепечатка серьезно-пространных и, видимо, особенно дорогих В.Ф.Д. мнений (не рецензий) о его творчестве Льва Аннинского («Недорисованные лица») и Инны Ростовцевой («До игры»).

Словом, читатели и почитатели Дударева будут наверняка довольны, а вот меня появление в Избранном раздела «Критика и литературоведенье» поставило в затруднительное положение. Нет, нет, дело не в содержании опубликованной в поэтическом сборнике критической прозы. Напротив! Замечательно тонкое и «легко-касательное» эссе Игоря Михайлова (Послесловие к первому изданию «Ветлы»), как и статьи Аннинского и Ростовцевой,

более чем убедительны. И в частности, и в рассуждениях о творчестве поэта в целом. В неформатной и поперечной моей лит. практике это чуть ли не единственный случай, когда, не лукавя и не уклоняясь, могу с чистым сердцем проголосовать: со всеми соображениями и оценками коллег согласна. Разногласия касаются деталей да и то не принципиальных. Полностью солидарна и с тем, что некогда отметили и оценили и вышеназванные большие поэты.

Зачем в таком разе «берусь за перо»? Во-первых, потому что все эти работы написаны до того, как у прежнего Дударева стали случаться Другие стихи. А во-вторых, потому, что неожиданно для себя вздумалось (именно вздумалось, а не вздумала) рассмотреть предложенный в Избранном автопортрет в неожиданном ракурсе, то есть в ракурсе «Акробатического этюда», одного из самых загадочных, на мой взгляд, его стихотворений последних лет. А заодно и проверить: возможно ли на примере созданного современным поэтом произведения сделать то, что иногда проделывала с текстами русских классиков: разобрать их по частям Речи*, как и советовал некогда Чехов по прочтении лермонтовской «Тамани». Не будь в сборнике раздела «Критика и литературоведенье», я бы на такой «эксперимент» вряд ли бы решилась. Тем более что до сих пор кроме как с Вознесенским («Ностальгия по-настоящему»), попытки такого рода оказывались неудачными. Выбранное на слух поэтическое сочинение оказывалось подобием новогодней елки, которая при самом бережном, казалось бы, прикосновении сбрасывала и украшавшие ее цацки, и иголки. И тем не менее я по-прежнему убеждена: истинная поэзия, в

---

* Слово сочетание части речи употребляю не в прямом школьно-учебном значении, а в том, какое имела в виду Марина Цветаева: «Поэт – издали заводит речь. Поэта – далеко заводит речь»).

отличие от фестивального столوغворения анилиновых словес и метафор, данной операции не сопротивляется. Ведь даже заласканный критикой авторский талант вовсе не всегда уверен, что прорастил в «потайственную» глубину увиденное глазами, а то, о чем мыслил только «теньями мыслей», «одел в плоть». (Автор использованных *имажей* Сергей Есенин).

Итак, попробуем же взглянуть на образ созданного Дударевым поэтического мира с рискованной высоты заключающего итоговый сборник «Акробатического этюда» («Ветла» 2014 г., стр.171–172). Не утруждая любителей российской словесности поисками текста, цитирую и его без изъятий:

Из снегопада в снегопад.
Он встречным елям лишь по пояс.
Вперед,
    назад,
    мостами над
По осевой промчится поезд.

Им завершат полутона
Несовершенство старых станций.
В нем осевого полотна
Полупоэмы,
    Полустансы.

Его вагоны-короба
Взлетают запросто на кряжи.
И пустослов, что жизнь -- борьба,
Еще страшнее, горше даже.

Непобедимы боль и труд.
Боль, труд и боль остановимы.
Акробатический этюд!
И поезд рушится в долины.

Летит над склонами.
    Стык в стык.
Под ним гудящие полотна.
На абордаж ли,
    напрямик?
По одиночке ли,
    поротно

Пусть воскресят!

Пусть живут!

Смешно стесняться жизни тленной,
И на каких-то пять минут
Вдруг стать, как музыка, – вселенной.

Пусть подстаканники звучат!
Звучат при полном бесколесье!
Неотличимы рай и ад
В сиреновом многоголосье...

Железный поезд взад-вперед,
Стесняясь собственной болтанки,
Вдруг удивится и замрет
Под семафор на полустанке.

Назвав «Акробатический этюд» заключающим сборник произведением, я чуточку погрешила против истины. Формально «Ветлу-2» замыкает «Северный натюрморт», но формально. Фактически же заложенные в Избранное смыслы итожит именно это стихотворение. К каким же (предположительно) итогам-выводам выводят читателей «Ветлы-2» процитированные стихи? Они же не только «примагничивают», но и смущают неудобной для выводов незавершенностью завершающих строк. Так с чем же, заодно с насельниками забуксовавшего поезда, удивившись, «замрут» и читатели новой «Ветлы»? Предполагаю, что, как и я, сначала лишь всласть подивятся акробатическим эскападам (цирковые трюки) неожиданного «сальто-мортале». Они же к иным ландшафтам души прилепились, «влипли», что называется, «сердцем», и к осенним дударевским беспутьям, и к зимним внезапным заносам. Правда, в первой части Избранного, то есть в репринт- «Ветле», нас вместе с автором и его вечными спутниками (Пушкин, Есенин т.д.) влекло-болтало по родимому бездорожью не столько метелью или распутицей, сколько тоской бесконечных равнин:

Одинокое, злое раздолье.
Дело к осени. Травы гоят.
Беспольные грубые колья
Из разбитых заборов торчат.

Хмыкнете иронически – так тож перепев! Или повтор. А вот и нет. Иное: **вторя!**

Осень. Дождь. Шелестит осока.
Мы не в силах себя сберечь.
Это горестно и жестоко.
Ну и пусть. Не об этом речь...

Видео-Мелодика второй части сборника – другая, настырно снегопадная. Да и снег здесь иной. Скорее, лермонтовский: «И этот снег лучистый, серебристый и для страны порочной слишком чистый». Впрочем, ни пурги, ни чрезвычайных заносов, согласно купленным билетам, пока не предвидится. Не пурга за вагонным стеклом, а рядовая метель, и снегопад умеренный, пусть и давний, он «встречным елям лишь по пояс». Словом, и по расписанию все как обычно, и маршрут общеизвестный – «по осевой». Мчится, мчится «наш Паровоз». Помните? «Наш Паровоз, вперед лети! /В коммуне остановка. /Другого нет у нас пути. / В руках у нас винтовка». Доподлинно тот, разумеется, приколе – реликвия, в музее Революции и Боевой Славы. Зато почти точная его копия, как следует из разбираемого на составляющие «Этюда», в рабочем состоянии. Не останавливаясь, не притормаживая, взлетая «запросто на кряжи». И мимо-мимо! Всегда, непременно! Мимо даже станционных времянок, прихорашивая попутно снежной гризайлью неблагообразия Великой некогда Стройки.

Летит над склонами.

Стык в стык.

Под ним гудящие полотна.

На abordаж ли,
напрямик?

По одиночке ли,
поротно

Пусть воскрепают!
Пусть живут!

Но что это? Какой «пустомеля», разворачивая рулон осевого полотнища*, черным по белому вырисовывает на развернутом метелью полуватмане сочиненные а-ля прима «полупозмы, полустансы». О чем? Да о том, что жизнь есть борьба. А труд и боль сгинувших в безвестности энтузиастов словесно «остановимы». Назвать поименно авторов лиро-эпических полупоэм, воспевающих заслуги «павших в борьбе роковой», невозможно: имя им легион. А вот полустансы... Они-то и впрямь уникальны.

Пушкин А.С. Стансы «В надежде славы и добра /Гляжу вперед я без боязни: /Начало славных дней Петра /Мрачили мятежи и казни».

Пастернак Б.Л. «Столетье с лишним – не вчера, /А сила прежняя в соблазне /В надежде славы и добра /Глядеть на вещи без боязни».

Про содержание полупоэм Дударев, конечно же, не умолчал. И слоганы агит-плакатов, нестираемо вклеенных даже на рычаги спешащего в Коммунизм Паровоза, перечислил. Не позабыт – а как же? – и подвиг Гагарина, и слава его всемирная. Ну, прямо по есенинскому «Преображению»: «Эй, россияне, ловцы Вселенной! Неводом зари зачерпнувшие небо! Трубите в трубы!». Так ведь и впрямь затрубили, чтоб «на каких-то пять минут вдруг стать, как музыка,— вселенной». Без траурных всхлипов в адрес первых насельников легендарного Паровоза тоже, как видим, не обошлось. Пусть, мол, даздавствуют

*Как видим, Валерий Дударев, надеясь, что мы не забыли о разных значениях слова полотно (и ткань, и картина, и подрамник с натянутым на него холстом, и даже большой эпический роман), использует его как образ двойного зрения. Полотно в «Акробатическом этюде» – это и бумажный рулон, размазывая который художники пишут-рисуют агиттекстовки, и одновременно железнодорожное полотно, то есть железнодорожный путь.

истлевшие «до косточек» первопрододцы! Пусть себе воскресают из мертвых! Лишь бы не маячили вечным укором! Жизни «всамделе» живущих не застили, не мешали! «Смешно стесняться жизни тленной»!

Короче, в акробатическом **сальто-мор-тале** Валерия Дударева осевые фокусы советского пустомельства, выражаясь советским же языком, тщательно заприходованы. А авторское к ним отношение интонационно выражено. Так четко выражено, что и сомнений не возникает: к разрисованному «пустомелями» историческому полотну лично В.Ф. Дударев рук не прикладывал. Где же тогда искать авторский *Взгляд* и на самого себя, и на Образ современного мира, в «Ветле-2» явленный? Вот тут-то, надеюсь, и проявляется преимущество выбранного ракурса, ибо и мы, читатели, как и автор «Акробатического этюда», находимся в зоне «двойного зрения». И высоко **над** непрошедшим прошлым («Под ним гудящие полотна») и вместе, одновременно, внутри «железного поезда». В последнем, точнее, предпоследнем купе. Последнее и в поездах особого назначения отведено под отхожее место. И что же там происходит? Да ничего вроде особенного:

Пусть подстаканники звучат!
Звучат при полном бесколесье!
Неотличимы рай и ад
В сиреновом многоголесье...

На беглый поверхностный взгляд и впрямь ничего особенного. Внимательный же читатель, взглядевшись вторично в ключевое четверостишие, почти наверняка угадает переключку с хрестоматийной «Вакхической песней». (Музы... Разум... Милые девы...) За что иное стали бы чокаться персоны *non grata* за запертой на щеколду дверь в «купе поэтов»? «Вакхическая песня» тоже, между прочим, не в хорошую пору на свет появилась! То ли в 1825-м, то ли даже зимой 1826-го, ког-

да, как выразился Юрий Тынянов, «время вдруг переломилось». Переломилось и замерло, застопорилось на сорок велико-снежно-державных зим. Вот и у нас на дворе «Бесколесье». Правда, в отличие от дожелезного бездорожья эпохи «Дорожных жалоб», слишком уж «полное». Все до единого колесики по дороге в Светлое будущее незнамо где растеряли. Даже солженицынское Красное Колесо (огромно-зловещее поначалу) и то в кювет закатилось. Так что «Вакхические песнопения», к сожалению, не про нас. Нам бы чего попроще. Однако по возможности что-нибудь все-таки жизнеутверждающее. С официозом, понятно, не связанное, но при этом отнюдь не «расстрельное». Словом, нечто про просто жизнь, смыслом которой сама жизнь и является. Не советская, не анти-советская, вообще жизнь, ничем, кроме самосохранения, не озабоченная. Выбор был трудным, Дударев выбрал на удивление точно: «сиреновое многоголесье».

Сиреневый туман над нами проплывает.
Над тамбуром горит зеленая звезда.
Кондуктор не спешит, кондуктор понимает,
Что с девишкой я прощаюсь навсегда.

Говорят, год рождения «Сиренового тумана» был самым страшным: 1937. Но лично я услышала эту песенку позднее, в первую свою университетскую зиму (1951–1952). И не при самых зловещих для «великой эпохи» обстоятельствах. За ничтожную провинность (потерю марок, каковые клеивались в новенькие комсомольские билеты) на мне повисло взыскание. Чтобы его снять, комсорг нашего курса отправил провинившуюся растеряху в рабочий городок, где проживали отделочники, доводившие до сияющих красот новое здание МГУ. По сведениям, имевшимся в комитете комсомола, в рабочем городке функционировало молодежное литобъединение. В том, что умелые и ловкие парни, с которыми мы читали и раз-

бирали стихи, не обычные выпускники художественно-промышленных училищ, а заключенные, сообразила позднее. Но что-то необычное почуяла сразу. Ребята и замялись и даже смутились, когда, расхрабрившись, лягнула: хотела бы, мол, сводить вас всех в Третьяковку. Насторожила, и тщательность, с какой проверялись мои «документы». Не только внизу, при входе в двухэтажный барак, но и на посту перед мастерской, в которой отделочники вырезали на гипсовых кругляках будущие фигурные барельефы.

Коридорный вертухай, по окончании «литературных занятий», придирчиво вчитывался в «бумаги», часа полтора назад им же просмотренные. Он сидя, я стоя... А из-за неплотно прикрытой мною двери все неслось...все повторялось... «Кондуктор не спешит, кондуктор понимает...» Так, может, и коридорный охранник неспроста не спешил? Может, не из-за моих бумажек не торопился захлопнуть дверь и испортить песню? Может, что-нибудь все-таки и он понимал... Прикидывая по ходу дела, где мог бы услышать ее Дударев, родившийся три десятилетия спустя, удостоверилась: «Сиреневый туман» и сейчас распевают. И туристы, и лагерники, и эстрадные шоумены. Претенденты на авторство даже «собачатся», поскольку бытует множество вариантов, словесных и музыкальных. Сохранным полностью, до запятой, остается лишь первое, сиреневое, четверостишие. В чем тут секрет? Не знаю. Впрочем, не исключая, в порядке гипотезы в стиле фэнтези, что это штамм странноватого вируса, вызывающего у россиян наследственные, но опасно сентиментальные недомогания.

Но это для нас с вами не опасные, а для поэтов, если они и впрямь художники, а не ударники книгопрядильной индустрии, «неразличимость ада ирая» («возвышающего» и убаюкивающего совесть и память обмана-тумана и «тьмы низких истин») без серьезных осложнений, как правило не обходится. Порою даже смертельным тройным сальто-мортале кончается. Иногда, что чаще, творческим тупиком. У автора «Ветлы-2» случай, что и предполагалось, особый: всего лишь не предвиденная Подорожной остановка «под семафор на полустанке».

Семафор, надеюсь, технически исправим, а остановка попутная. К тому же чувство дороги, удивление дороги у Дударева в крови. А такие пути – неисповедимы.

Господи, в пучину нет возврата!
Как же это вдруг произошло?
Гулкое гуденье Апарата
Голубя поставит на крыло...

Где пахать и что потом посеять?
Хворосты таскаю на горбу.
Пусть потом слепцы и фарисеи
На мою позарятся арбу.

А пока – чумазый и премудрый –
В шалаше, где звезднее всего,
Я займусь с девчонкой златокудрой
Продолженьем рода своего. (2013 г.)

А про то, что ждет нас всех впереди – там, за «кряжами» и «долинами» очередного *смутного времени* – не знает сегодня никто.